

Константин Восковойников

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧУДЕС

Рассказы

ЛЕШИЙ

Случилось мне как-то летом побродить по горам. У меня был отпуск, я решил провести его с пользой на свежем воздухе, поселился в маленьком горном санатории и целыми днями исследовал ущелья, речки, склоны и растения.

Однажды довелось мне забрести так далеко, что до ночи в санаторий вернуться уже не успевал. Я приготовился к романтической ночёвке в лесу, но, пройдя ещё шагов двести, неожиданно вышел на дорожку. Автотранспорт здесь явно не ходил, но копыта лошади или осла ступали часто. Я вырулил на тропинку и направился вниз. Я очень устал. Уже смеркалось, и я был не очень удивлён, когда увидел на равнине несколько домиков. Это действительно было романтично: Иванушка-дурачок ночует в избушке на курьих ножках в глухой дубраве.

Я постучал в ближайший домик. Дверь открыл старичок лет шестидесяти, тощий, небольшого росточка, уши были непропорционально большими, нос крючковатый, но чёрные глаза светились пронизательностью и умом.

– Здравствуйте, папаша. Как говорится, переночевать не пустите?

– А ты откуда?

– Из санатория, – я махнул рукой. – Гулял, гулял и заплутал маленько.

– Хорошее «маленько», – покачал старичок головой, – до него теперь километров тридцать.

Он минуту постоял, с раздумьем глядя на меня, но, видно, мой дорожный вид его убедил. Хозяин посторонился и прошёл в комнату вслед за мной.

– Ну, давай поужинаем, и ты мне расскажешь, что в миру деется.

Мне понравилась его старинная манера излагать. Я с удовольствием поел и охотно поделился последними новостями.

– Экологические рейды, значит? – хмыкнул старичок. – Да какие же это рейды, если только одни сплошные разговоры?! Действовать надо!

Мне вспомнился булгаковский профессор Преображенский, который справедливо утверждал, что «разруха в головах», и сначала надо избавиться от неё самому человеку, а потом уже лечить всё общество. Хозяин продолжал:

– А ты, значит, писатель? И о чём творишь?

– Рассказы для детей и подростков. Когда хорошая мысль нагрянет – повесть пишу. Три книжки уже выпустил.

– Для детишек – это дело, – одобрил старичок. – Только разве они сейчас что читают?

– Не все, к сожалению, но есть ещё благоразумные.

Мы ещё погуторили и, довольные друг другом, стали укладываться на покой. Мне хозяин отвёл кушетку возле стены, а сам устроился на огромной старинной кровати возле окна.

– Папаша, – заговорил я в темноте, – эдак я прогулки ради тридцать километров отмахал, а как вы да санатория спускаетесь и на что живёте?

– Егерствуем мы. Охранный пост, в смысле. За той же экологией следим, денежку за это получаем. А до магазина в санатории на лошади. Пешочком-то долго, а на лошадке часика два в одну сторону. Если встать раненько, часов в шесть, то к полудню уже со всеми припасами запросто вернуться можно. Но скоро и это кончится. Слышал я, дорогу хотят сюда проложить и здесь тоже коттеджи понастроить. Воздух тут чище, экзотики больше, вот и хотят с отдыхающих больше сдирать.

Старик заворочался, завздыхал. Я тоже представил, какой тут будет шум и смрад от стройки, и поморщился. Эти чиновники природу губят, святое продадут за лишний рубль.

В таких размышлениях я долго лежал на жёсткой лавке и смотрел на лунный свет, который поэтично заливал часть комнаты. И уже совсем собрался засыпать, как услышал возню старика. «Тоже разнервничался старичок, не спится ему». Вдруг что-то шевельнулось. Я приподнял голову и увидел, как нечто, похожее на обезьяну, прыгнуло на занавеску и потянулось к форточке. В лунном свете я разглядел силуэт, смахивающий на чертёнка: рыльце, длинные ушки, шерсть. Чёрт пролез в форточку и мягко спрыгнул вниз, следом промелькнул хвост. Я соскочил с лежанки и прильнул к окну. Чертёнок неторопливыми, весёлыми прыжками замельтешил между берёзами и скрылся в чаще. Я подошёл к кровати старика: она была пуста. Первой моей мыслью было, что я сплю, но реальность происходящего быстро выветрила её. В голову полезли воспоминания о чертях, леших, прочей нечисти, но груз прагматичности, логики и атеизма быстро задавили их. Я вернулся на топчан, лёг и терпеливо стал ждать возвращения хозяина. Уже близился рассвет, когда существо сигануло обратно в форточку, скользнуло в кровать и успокоилось. «Вот какой, значит, у тебя экологический пост», – подумал я и провалился в сон.

Утром я с интересом поглядывал на старичка.

– Папаша, у вас тут случайно обезьянки не встречаются?

Он подозрительно глянул на меня.

– Нету. А что?

– Да вот давеча я интересную штуку видел. Места у вас глухие, наверное, и нечисть какая сохранилась.

Старик мрачно засопел.

– Ну что... Ну да... Ну, леший я...

Он испытующе взгляделся в меня. Но на моём лице был написан не страх, а огромное любопытство.

– Папаша, я человек городской, и не совсем верю в эти байки...

– Все вы, городские, не верите. Не верите в снежного человека, в инопланетян, в то, что человек летать может. Но неверие – ещё не доказательство, что этого не существует. Не буду я тебе ничего объяснять, всё равно не поймёшь.

– Ладно, дед, не сердись. Я не такой уж Фома неверующий, особенно после того, что ночью видел. Для чего только?

– Я же тебе говорил: леса охраняю. Мусор уничтожаю, за кострами приглядываю, браконьеров пугаю, – старичок оживился: видно, воспоминания о ночных подвигах ему очень нравились.

– И есть результат?

– Конечно! Ты здесь ходил, где-нибудь мусор видел?

– Нет.

– А запах дыма слышал?

– Нет.

– Ну, а о браконьерах и подавно не услышишь – они этих мест боятся, – самодовольно проговорил старичок, почёсывая за ухом.

– И что же вы дальше делать будете?

– То же, что и последние полтора столетия – природу оберегать. Пока городские не вынудят убраться, – помрачнел он.

– Полтора столетия? – я уже начинал думать, что это не такая уж и шутка, как показалось сразу.

– Ага, – просто ответил дед, – лет пятьдесят назад я последний раз йети видел. На север он пробирался, подальше от людей. С целым семейством шёл, с детишками. Я им привал дал, а ночью сувенир себе отрезал.

Хозяин пошарил в древнем шкафчике и вынул клочок волос. Они были жёсткие, буро-коричневого цвета. Я окаменел.

– Папаша, а учёным вы их показывали?..

– Показывал. Да что толку? Говорят, с медвежьей метки снял, рехнулся на старости лет.

– Дед, если ты правда леший, покажи ещё что-нибудь.

Старичок с сомнением посмотрел на меня и, видно, решил. Перекувыркнулся в воздухе – и обратился в давешнего чертёнка. Побегал по комнате, сел мне на правое плечо и вдруг стал невидимым.

– Плевать не вздумай, – услышал я над ухом. – А то мне больно будет.

Раздались шажки, в воздухе повисла тарелка и стала описывать круги над моей головой.

– Это ты так браконьеров пугаешь? – догадался я.

– Это ещё цветочки. Они из этих мест без оглядки бегут.

– А стрелять не пробовали?

– А как стрельнешь, если дуло в колечки сворачивается?

– Ну ты даёшь, дед!

– Ладно, хватит, – передо мной возник запыхавшийся хозяин. – Стар я становлюсь, устаю от этих штук.

– Будущую стройку тоже пугать собираешься?

– Да они сами кого хошь напугают. Нет, смириться придётся. Разве только кто из них слишком зарвётся...

С грустью возвращался я в санаторий. Старик мне понравился, да и выкрутасы его ни в одном цирке не увидишь. Мне было жаль этих мест, высоких елей, всю эту красоту, жаль людей, которые за деньги превращались в нелюдей.

Из санатория через день уехал. Вернулся в город и влился в ежедневные нескончаемые дела...

Прошла зима. Как-то в начале весны я сидел в библиотеке: искал материалы для новой книги. Обложился книгами о природе и пролистывал их одну за другой, выискивая, сам не зная что. И вдруг из одной страницы взгляд выхватил стихотворение:

Бывало, выйду на рассвете пеший –
Ко мне тотчас же подбегает леший,
Снимает шляпу: "Здравствуйте, сосед!"
Мы с ним толкуем мирно в буераке
И слушаем, как воют вурдалаки...
Леса ещё остались. Леших нет.
Я атеист. А всё же нечисть жалко.
Почти повсюду кончилась русалка.
В Москве по крайней мере ни одной!
Горынычей – пяток на всю Россию.
Повывелись в высотках домовые,
Активно вымирает водяной.
И даже безобидную шишигу
Мы в Красную теперь заносим книгу –
Безжалостен прогресса аппетит.
...Мне говорили, где-то возле Кимр
Двух одиноких видели кикимор...
Прощайте! Еду! Может, подфартит!

Я остолбенел. Да это же про меня! Поискал автора – некто Новиков. Ай да молодец мужик! В самую точку! Я выписал стихотворение, сдал книги и побежал собираться в санаторий...

Ничто меня не остановило – ни текущие дела, ни снег, которого в горах навалило по колено. По широкой заметённой дороге я добрался до жилья лешего.

И ахнул. Вместо полуразвалившегося домика возвышалась гряда коттеджей. Нижние были давно готовы, в нескольких верхних шли отделочные работы.

– Дед, – прошептал я, – где же ты?..

За моей спиной раздалось кряхтение. Я резко обернулся. Мне в глаза смотрел, улыбаясь, хозяин. Я сгрёб его в объятья.

– Как ты?!

– Кхе-кхе, вишь, какое дело... Как ты уехал, через неделю и началось... Машин понаехало! Деревья вырубали, домишко снесли, мне сначала роль сторожа отвели. Так мне неудобно их пугать стало. Стройка полным ходом пошла, первые домины уже в октябре готовы были. Начальство в них Новый год спраздновало. И сейчас работа идёт.

– А ты? До сих пор сторожем?

– Я-то? Кхе-кхе... Да нет... Я покрутился, повысмотрел – не по мне всё это. И в город подался, – старик вдруг засмутился и отвёл глаза. – Тебя нашёл.

– Что ж не объявился?

– Как это «не объявился»? Я уже месяц возле тебя невидимкой трусью... И сюда на твоих плечах приехал...

Я обалдело смотрел на него. Он опять заулыбался.

– Не знаю, сколько бы я скрывался, кабы не то стихотвореньице... И как только ты сюда прибыл – я вот он. Думаю, ты меня поймёшь.

– Ну дед, ну придумщик! – от восхищения я не мог слов подобрать – настоящий леший в компаньонах! – Слышь, папаша, устрой им напоследок что-нибудь оригинальное, чтоб помнили!

– Это можно, – согласился дед.

И вдруг в небе взорвалась гигантская ракета-шутиха. Огненный шар штопором въехал в землю, расплавив снег и тряхнув ближайшие ели. Рабочие вытаращили глаза, те, кто был внутри построек, высыпали на балкон. А маленькое солнце похожее на ослепительную шаровую молнию, зигзагом заметалось среди людей, домов, деревьев... Взорвалось, рассыпалось на тысячи малюсеньких солнц и разлетелось в разные стороны. Затем раздался грохот, будто пронеслась пара сотен локомотивов, земля затряслась, с верхушек елей посыпался снег; коттеджи заходили ходуном, рабочие зашлись в крике. И внезапно наступила полная тишина! Люди замерли с открытыми ртами, озираясь и ожидая подвоха с любой стороны. Лишь один я наслаждался этим представлением. Теперь это место заслужит репутацию нечистого, мало кто согласится сюда приехать. Хотя, как знать...

Пустота заполнилась испуганными разговорами и возгласами. Над ухом у меня снова раздалось покашливание.

– Хватит? Или, может, снести эти избы под корень?

– Не надо. «Безжалостен прогресса аппетит»... Пошли домой, – я протянул руку и погладил невидимого лешего. – Выдам тебя за своего деда, проживём пару дней в санатории и вернёмся в город. Согласен?

– Согласен. Только на такие штуки больше не рассчитывай, я и так упарился...

– Договорились. Об одном только попрошу: при мне будь видимым и в образе обезьянки. Ладно?

На моём плече завозились, устраиваясь поудобнее.

– Ладно. Только и я попрошу – не вздумай плевать через плечо!

ОН

– Эх, тетёрочка ты моя...

Я сидел перед Светланой на корточках и смотрел ей в лицо. Она смущённо улыбалась и отводила взгляд. Я разглядывал морщинки возле глаз, вокруг губ, ресницы, потом потянулся и поцеловал её веки. Обнял, прижал к себе. Это практически всё, чем я мог выразить нежность к ней. Светлана была глухой от рождения. Я до сих пор удивлялся тому, как глухие и глухонемые учатся читать и писать по-нашему. Светлана могла говорить, невнятно, словно иностранка – но могла. А слышать – нет.

Последнее время я стал брать у неё уроки сурдоперевода, до этого, да и сейчас, мы общались простыми понятными знаками. Это несложно и даже забавно. Но скоро жестов мне стало не хватать, я хотел сказать Свете, что люблю её, называть её разными нежными именами, ласковыми словами... Я и произносил их – но она не слышала.

И тогда я вызвал Его.

Возле меня что-то прошелестело, задвигалось – и появился Он.

– Всё знаю, можешь не рассказывать, – пробурчал Он.

– Что ты знаешь?

– Что ты влюблён в глухонемую.

– Она разговаривает.

– Знаешь анекдот про щебечущую жену?

– Знаю. Да, мне иногда не хватает её щебетания, мне очень хочется поговорить с ней, послушать её суждения. А иногда наоборот – я даже доволен, что она молчит. Она не слышит этой мерзости, ругани, грязи, которая вокруг нас. Внутри она чиста и непосредственна, как ребёнок. Ради этой чистоты, мира и спокойствия я хочу быть рядом.

– Ну, а меня ты зачем вызвал? – Он развалился в кресле и закинул ногу на ногу.

Хитрый, Он знает, что впереди серьёзный разговор.

– Ты можешь вернуть ей слух?

– Ну... вообще-то... правду говоря...

– Знаю, что можешь. И знаю, что возьмёшь за это цену.

– Конечно, возьму. И конечно, могу дать ей слух. Но ненадолго.

– На сколько?

– Ну, на день. Может быть, на два. За это время ты успеешь разболтать ей про себя всякие нужные и ненужные пустяки, насладиться её голоском и сообщить, что любишь её.

– А какую ты возьмёшь цену?

– О! Высокую! Сам знаешь, за удовольствия надо платить.

– Погоди, я согласен платить, но за качественный товар.

– Ты сомневаешься в моих возможностях?

– Нет. Я сомневаюсь в своих решениях.

– Выбери. Я подожду.

Я задумался. До этого просто представлял, что она будет слышать, но потратить этот дар понапрасну было жалко. Что можно ей показать? Позвать в бар? Она услышит невнятный гул людей. Стоит ли это высокой платы? Вряд ли. Можно позвать на прогулку, скажем, к морю. Она услышит журчание воды, плеск волн, крики чаек (явно не соловьиное пение), шелест играющих под ветром листьев. Ну и что? Прожила она свою жизнь без этих шумов и ничего не потеряла. Всё равно, что сводить в зоопарк послушать рычание зверей и клёкот птиц.

– Какую всё-таки ты хочешь плату? – спросил я.

– А ты принял решение?

– Нет ещё.

– Не бойся, плата справедливая. Даже можно сказать, божеская.

Шутит, подлец. Но я был готов практически на всё, кроме разве что отдать душу.

Шорох шин по асфальту. Стук капель дождя. Крик новорожденного младенца. Звук грома. Стрекотание пирующей машинки. Мяуканье котёнка. Ласковый ночной шёпот... Всё это хорошо, но как-то мелко.

Я потёр лоб. Может, поставить на магнитофон свои любимые записи? Но она никогда ничего подобного не слышала, вдруг ей не понравится?.. Стоп! Я даже сел прямо и уставился на Него.

– Что-то придумал? – осведомился Он.

– Музыка!!! Она никогда её не слышала! Никакую! Она просто не подозревает, что это такое!

– Поставь ей «Раммштайн».

– Да! И его тоже! Я покажу ей все направления музыки, которые нравятся мне: и классику, и попсу, и рок!..

– Это долго. Ты помнишь про цену?

Мой запал поутих.

– Что ты хочешь?

– Ну, скажем... Как ты намерен вернуть ей слух?

– Допустим, по часу в день.

– Одобряю. Ни много, ни мало. Значит, и плата будет такая же.

– Не понял, какая именно.

– За каждый час её наслаждения ты будешь час своей жизни отдавать мне.

Я прикинул: за 10-20 часов можно показать очень многое. Это почти сутки. Без разницы, умру я на день раньше или позже. Это будет когда-то, а я испытаю счастье сейчас.

– Согласен!

– По рукам!

Он хлопнул меня по плечу и выудил из воздуха договор, где красным по белому было сказано, что я обязуюсь незамедлительно и беспрекословно отдавать часы своей жизни за предоставленную услугу. Конечно, не кровь, а красные чернила, но всё равно не по себе.

Я подписал. Договор исчез.

– Когда будет нужно, произнесёшь заклинание и время, – с этими словами Он тоже испарился.

Замечательно! Я было кинулся к своей фонотеке, но остановился. Чёрт возьми! Не хватало растратить драгоценное время на всякий ширпотреб. Я схватил газету и стал искать репертуары театров.

В этот вечер мы попали на «Травиату». Уже в фойе я, дурашливо ломаясь, чтоб скрыть волнение, объявил, что я волшебник и сейчас к ней вернётся слух. Она приняла это за шутку и с интересом вошла в зал. Когда погас свет, я проговорил про себя заклинание. В моей голове что-то легонько щёлкнуло, и я понял, что отсчёт пошёл.

Светлана вздрогнула и вцепилась мне в руку. Её взгляд был ошарашен. Я наклонился к ней.

– Не бойся. Просто слушай музыку.

Арии Верди лились по залу. Глаза Светланы широко раскрылись, всем телом она подалась вперёд – навстречу звукам. Я сложил руки на груди и блаженно растянулся в кресле. В антракте Света оглядывала зал и прислушивалась к шёпоту людей, к скрипу кресел, даже оценивала на слух шорох одежд. Удовлетворённая, она наконец обратила внимание на спектакль.

Когда в конце аплодисменты стали стихать, я вновь произнёс магические слова. Но Светлана уже не обращала внимания на воцарившуюся тишину, она шла улыбаясь и словно ещё пребывала там, в музыке.

На следующий день я повёл её на «Севильского цирюльника». Потом были «Тоска» и «Кармен», Моцарт и Вагнер, Шостакович и Брамс... После чего пришёл черёд балета. «Лебединое озеро», «Жизель», «Щелкунчик»... Я выходил в бар, покупал пару бокалов шампанского, тянул его, чтоб не было «мучительно больно» за проведённое время: просто я не любил балет.

Потом повёл Светланку на органную музыку: Бетховена и Баха.

Дома ставил записи хитов российских и зарубежных «звёзд», даже кое-что из старого доброго рока. Не обошлось и без «тяжёлого» металла.

Мы играли в карты, слушая современную попсу и рэп, и пили вино под «Старые песни о главном». Готовили ужин под индийские мотивы и гуляли по улице с песнями Кадышевой.

Я играл на компьютере, а Света вязала под звуки «Наутилуса».

Делали в квартире уборку под хиты Пугачёвой и обнимались под «Модерн Токинг». Медленно танцевали под Морриконе и плакали пьяными слезами над романсами Малинина.

Светлана всё впитывала в себя, словно губка. Она уже не удивлялась своей необыкновенной способности, она просто наслаждалась звуками.

Проводив её домой, я вновь вызвал Его. Он искусственно зевнул.

– Ну что, твоя душенька довольна?

– В целом да. Но ведь она ещё столько не слышала... Ты можешь вернуть ей слух насовсем?

– Нет. Не я это сделал, не мне и приказ отменять.

– Ну, тогда я, наверное, завершу наше соглашение...

– Времечка жалко стало?

– И времечка жалко, да и лучшие произведения мы прослушали...

– Так уж и лучшие?

– По крайней мере, что мне нравилось.

– А что понравилось ей?

– Почти всё.

– Ну да, я знаю. А что понравилось тебе?

– Она. Её отношение, внимание, понимание и благодарность. Ты бы видел, как она на меня смотрела...

– Считай, что видел. Ладно, хватит рассусоливать. Ты окончательно уверен?

Я вздохнул. Времени было не жалко, хотя и набежало не несколько часов, а несколько суток. Жалко было, что Света вновь погрузилась в пучину глухоты.

– Уверен.

Он развёл руками и вынул из-за спины наш договор.

– Что ж. Благое деяние да не останется безнаказанным.

Он взмахнул крыльями и полетел. Только почему-то не вниз, в ад, а вверх, к облакам.

На полу валялись клочки от договора.

Константин Воскобойников родился в г. Алматы в 1970 году. Закончил филологический факультет КАЗПИ им. Абая. Работал учителем в школе, в газете «Книголюб». Печатался в журналах «Ай», «Шмель», «Простор» в газете «Аргументы и факты – Казахстан». Автор сборников прозы «Тупейшая была история», «Мои вечера прекраснее ваших», «Упущенная возможность» и других. Живет и работает в г. Алматы.

